

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 5 (№), 2023

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Проза

Со-бытие

БАЛАНДИН Даниил

ПетрГУ (Петрозаводск),
idann205@gmail.com

***

Хранит Господь простодушных: я изнемог, и Он помог мне. (Пс. 114)

Зима. Для меня её приход не стал чудесной неожиданностью. Хотя, конечно, тогда я ещё не задумывался о зиме, лете и остальном-разном с ними связанном, но с каждым новым днём тогдашней своей жизни я нехотая ощущал всем естеством чувствуемый недостаток тепла. В какую бы одежду я ни облачался, рано или поздно всё равно становилось невыносимо холодно. Видимо, сказывались особенности нашего карельского климата.

Мерно шагая по своим матричным делам незадолго до этого события, я и подумать не мог, что в один совершенно непогожий день со мной произойдёт нечто платонически удивительное: незримое, но внутреннее во мне радикально преобразится.

В тот период жизни мне казалось, что всё идёт совсем не по плану, хотя с виду всё в жизни моей было как у людей: жил я вольготно, любил — романтически, экзистировал — аутентично. Благо, сейчас я могу сказать, что это были просто миражи, или, если угодно, тени тогдашнего моего заблуждения.

Итак, вечер, мост, звёзды, мысли — тот самый день. Город уже успел нарядиться в собственные облачения верного для такого великого торжества цвета. Я угольком катился со стороны театра к своему низенькому дому. Сердце моё томилось жадной высокою, но повернуть обратно я уже не мог. Я ведь возвращался домой. Оставшиеся от забот силы мои были направлены на осмысление непонятого мне желания любви. Отчего же непонятого? Давно искал я ту, которую полюбит душа моя, и вот нашёл. Значит, всё тут понятно, чего ж тогда ещё желать? Видно, любовь моя была не взаимна? Верно, хотя и только отчасти. Формально мы любили друг друга, а как было на самом деле — кто же изъяснит? Главное, что мне тогда было очень холодно, и я решил пообщаться с ней. По её обычному безразлично-спокойному голосу было ясно, что она находится дома; ей-то сейчас точно не холодно. Зачем я бросился звонить ей в тот самый момент? Всё просто — я хотел согреться хоть бы и любящим словом. Только когда связь была прервана, я осознал, что в одиночку даже великий и могучий язык-богатырь не в силах согреть замерзающего человека.

Каково же было содержание нашего диалога? Так и не вспомнить. Я беспорядочно бросался словами, будто пытаюсь зажечь её неприступно безразличное сердце, она же в свою очередь пыталась внимать моему зову. Всё было зря — между ей и мной была учреждена великая пропасть, которую я так страстно хотел преодолеть.

— Любишь ли ты меня? — спросил я с дрожью в голосе. О таком всегда практически невозможно говорить.

— Ну, да. А почему ты спрашиваешь?

Казалось бы, ничего выразительного, ничего предосудительного: простой вопрос — простой ответ. Однако же чувствовал я совершенно иное и отказываться от своего «я» совершенно не собирался.

Пару мгновений спустя монолог закончился: всё пропало, рухнуло, оборвалось для меня. Что делать?

Я был разбит в самом своём основании. И разбит не в тот самый момент, нет, тогда я просто ясно осознал свою разбитость, природно мне присущую. В таком жалком виде я почти перешёл мост, разделявший мир театральный от мира для меня домашнего, но почему-то решил остановиться. Звуки бурного течения привлекли меня, и я облокотился на выдавшие виды перила.

«Присоединяйся, ты так же холоден и тих, как я, и я упокою тебя во льдах», – внушала мне всем своим видом вода. Мне и правда было уже так холодно, что я готов был подчиниться, упасть в сонную, безжизненную пучину.

Кто в силах противостоять стихии? Влекомый ею, я всё пристальнее всматривался в эту синюю бездну, а тело моё всё охотнее теряло свою силу: руки мои разжались, и кирпичик связи охотно скользнул вниз. Последнее, что я успел заметить — это блеск его слияния с водной стихией. Неожиданный синтез природы и техники оторвал меня ото сна, я отступил.

Идти домой теперь я точно не собирался, решил вернуться к театру. Благо, находился он прямо рядом.

Величественный, строгий античный театр встретил меня радушно; длинные мраморные колонны указывали путь на Олимп, который был полон статуй древнегреческих богов. По афише у входа можно было понять, что сегодня давали «Царя Эдипа». Я подошёл достаточно близко ко входу, чтобы услышать античные речения.

«Света дар - к чему?»

Что мог отрадного увидеть я?»

Видно, трагедия завершалась. Аполлон уже подвиг несчастного ослепить себя. Эта реплика Эдипа особенно тронула меня: а что же я? Для чего глаза мне, если заглядываю я лишь внутрь себя? С мыслями об этом я решил двинуться дальше по проспекту.

Буквально в нескольких шагах от театра предо мной предстал музей изобразительных искусств. Издалека я приметил знакомые силуэты, и раз уж они были мне так близки, я не стал проходить мимо, решил посмотреть. На афише строго было выведено следующее: выставка «Блудный сын: вчера и сегодня»

Фоном к этой надписи выступала известная всякому картина Рембрандта.

Она всегда привлекала моё внимание. Не помню, когда увидел ее впервые, помню только, какое слово тогда пришло мне на ум и приходит до сих пор при виде её – забота. «Увидел его отец его и сжалился». Где же ты, Отец?

Метель усиливалась, и я, чтобы окончательно не замёрзнуть, двинулся дальше. Дороги на удивление были пусты, по ним ездил лишь ветер, поспешно носивший туда-сюда лёгкий снег. Дорога вверх по проспекту была трудна, как и всякий путь ввысь, особенно зимой и особенно снежным вечером. Само же место, до которого я хотел дойти, находилось на достаточно почтенном расстоянии от мира искусств, к тому же на полпути мне пришлось свернуть в тёмный переулок. Отчаянию моему не было предела: пережитое в этот вечер запросто уничтожило мой личный маленький мир, от размышлений становилось хуже, чем на мосту. Переулок всё не кончался, он был длинным и острым, как лезвие кинжала. И чем дальше я проходил, тем глубже это лезвие входило в моё сердце. Я не выдержал, не выдержало и моё тело: голова закружилась, в глазах потемнело, и мне пришлось присесть. Сердце начало было замирать, а глаза мои смыкаться; снова захотелось поддаться Морфею и уснуть.

Юноша, что с Вами? — надо мной склонился незнакомец лет тридцати, его голос выражал явную обеспокоенность моим состоянием.

Ничего, это скоро пройдёт... — слабо и неуверенно ответил я.

Ну-ка давайте-давайте, вставайте. — как бы уговаривал он, помогая мне подняться.

С оказанной помощью мне удалось встать и медленно следовать за ним. Так мы выбрались из переулочка и как раз дошли до того места, куда мне было нужно.

Давайте зайдём внутрь, я дам Вам воды, — предложил добрый незнакомец. Я был не в силах отказываться, да и не собирался.

Вместе мы вошли внутрь торжественно обставленного старого здания. Меня усадили на лавку и оставили одного. Видимо, незнакомец отправился наливать мне воду. Я огляделся: меня окружали предметы искусства, освещаемые огнём белых свечей. Не успел я осмотреть все, как мой патрон вернулся.

Вот, возьмите, — он протянул мне кружку.

Едва поблагодарив своего спасителя, я принял эту воду и продолжил своё безмолвное созерцание. Окончательно придя в себя, я хотел было обратиться к нему, но вдруг услышал тихий звук дверной ручки.

«Верно, вышел за помощью», — подумал я. — «Не буду терять время, раз уж я здесь, подойду ближе.»

Подойдя ближе, я сравнялся с центром этого места и машинально преклонил перед ним колена. «Да пошлёт тебе помощь из Святилища и с Сиона да подкрепит тебя».

Я стоял безмолвно, тысячи вопросов готовы были вот-вот вырваться из меня, нарушив эту благую тишину. Однако этому не довелось случиться. Как только я собрался задать тот самый, главный, вопрос, двери храма отворились. В дверях стояли люди, пришедшие на праздничную службу: всё-таки сегодня был канун Рождества. Так как я пришёл, я решил остаться; тем более в храме было так тепло.

Всё решилось. Вечер сменился ночью, в которую произошло настоящее чудо: Христос явился для мира, Христос явился для меня. Я ощутил Его любовь, увидел Его своими глазами – Он позаботился обо мне.

Вот так за один вечер изменилась вся моя жизнь.